ИНТЕРВЬЮ 21.05.2026

«Россия и Китай – это пирамиды, которые соприкасаются только верхушками»

Алексей Юсупов о встрече Путина и Си Цзиньпина: на чем держится союз Москвы и Пекина и где проходят границы китайского прагматизма

Интервью провела Ольга Васильцова

Владимир Путин прибыл в Китай буквально через несколько дней после визита Дональда Трампа. Почему так быстро?

Мне не кажется, что такое совпадение дат – это заранее спланированная «хореография». Вероятнее всего, дело в удачной и умелой логистике китайской стороны.

И Трамп, и Путин в этом году планируют встретиться с Си Цзиньпином еще несколько раз, и даты этих визитов согласовывались давно. Примечательно скорее то, что российская сторона не стала переносить поездку Путина. Судя по всему, такая близость дат Москву ничуть не смутила. Напротив, для Путина это удобный повод подыграть идее «большой тройки», где Москва, Пекин и Вашингтон – ключевые мировые столицы.

И здесь Путин прямо намекает на то, что именно Китай – главная точка опоры этого нового миропорядка. Ведь Трамп видит ситуацию иначе, формулируя ее как мир «большой двойки» (G2), где России места нет.

Для Путина это удобный повод подыграть идее «большой тройки», где Москва, Пекин и

Поэтому все сложилось очень удачно, особенно с учетом итоговой политической декларации лидеров РФ и КНР о многополярном мире. С этой темой Путин носится давно. По сути, его знаменитую речь на Мюнхенской конференции 2007 года

можно с минимальными правками дат и контекста зачитывать и сегодня, в 2026-м: уже тогда он искал доказательства своей теории о конце западной гегемонии.

В этом смысле такая очередность визитов устроила абсолютно всех.

Известно, что в китайской дипломатии большое значение имеют символы, обстановка и манера проведения. Как Си Цзиньпин принимал российского гостя? Если сравнивать с приемом Трампа – в чем были ключевые отличия?

Главное отличие – в самом формате. Американский визит был государственным, а российский – рабочим, а это совершенно другая история. К тому же Путин встречается с Си Цзиньпином ежегодно, за исключением «ковидных» лет. За время своего правления он виделся с лидером КНР более 40 раз – в мире нет ни одного политика, с которым Путин встречался бы так же часто. И в этом году они, как и Трамп, планируют пересечься еще едва ли не трижды.

Поэтому в символике я не вижу ничего, что стоило бы интерпретировать как осознанное или случайное ранжирование гостей по значимости. Все было предрешено официальным протоколом. То, что в первый день Путина встречал министр иностранных дел, – тоже вполне обычная практика, никакой интриги здесь нет.

Путин приехал в качестве партнера или как глава государства, которому сегодня особенно нужна поддержка Китая?

Отношения России и Китая не просто асимметричны – они разнонаправленны по своей динамике. Китай – страна с восходящей траекторией: его ресурсы, экономика, политический вес и роль в международной архитектуре только растут. Россия же пытается затормозить продолжающуюся потерю своего статуса. Собственно, поэтому Москва все чаще прибегает к насилию – другие инструменты влияния на соседей и мир (экономические, культурные, институциональные или дипломатические) уже просто не соответствуют ее амбициям.

Зависимость России от Китая при нынешнем курсе Кремля, включая войну с Украиной, действительно огромна. Более того, китайский фактор выглядит ключевым для понимания того, какое место Россия в принципе займет в мире к середине или концу XXI века.

Поэтому и ожидания сторон от этих саммитов очевидно разные.

Во время встречи обсуждались вопросы мировой политики и расширения экономического сотрудничества обеих стран. О чем конкретно удалось договориться?

По сути, в программе визита было два основных пункта: экономический – по «Силе Сибири – 2», и политический – по декларации о многополярности. Все остальное – рутинная часть российско-китайской дипломатии.

Главной темой был, конечно, газопровод «Сила Сибири – 2». Он должен хотя бы частично компенсировать России потерю западных рынков сбыта. Но Китаю, с учетом его планомерного энергетического развития, этот проект по большому счету не нужен. Дополнительные потребности в энергоресурсах у Пекина могут возникнуть только к середине 2030-х годов, поэтому сейчас подписывать контракты с долгосрочными обязательствами для него нет никакого смысла. Кроме того, Китай отлично диверсифицировал поставки: он стабильно получает энергоресурсы из Катара, Австралии, Туркменистана и (до ухудшения отношений) из самих Соединенных Штатов.

Сам по себе факт подписания соглашений не является показателем реального экономического прорыва

Для Владимира Путина было бы колоссальным триумфом вернуться домой не просто с декларациями о том, что «Сила Сибири – 2» отвечает обоюдным интересам, а с конкретными графиками и, главное, ценами. Этого прорыва так и не произошло. Хотя еще в прошлом году Дмитрий Песков и официальные источники Кремля утверждали, что стороны вышли на конкретные соглашения, даже сейчас этого не случилось. Разница в степени зависимости государств очевидна.

Впрочем, нынешние отношения Москвы и Пекина действительно выглядят прочными. За все четыре века их общей истории они, пожалуй, никогда не были столь тесными, и во многом это держится на личной близости лидеров двух стран. Конечно, на саммите обсуждаются и полезные практические шаги: взаимодействие в финансовом и технологическом секторах, поставки микроэлектроники, туризм, культура. Хотя сам по себе факт подписания соглашений – тех самых пресловутых 40 документов – не является показателем реального экономического прорыва. Большинство из них – это просто меморандумы о взаимопонимании, за которыми пока нет никаких экономических

реалий.

А по каким вопросам, напротив, сохраняются разногласия?

Разногласия есть, просто о них не принято говорить вслух. Начнем с того, что китайская концепция возвращения былого величия вовсе не предполагает революционного слома существующего миропорядка. Пекин скорее заинтересован в сохранении международных институтов и правил, но хочет трансформировать их под себя, чтобы они учитывали китайские интересы и новую расстановку сил.

Кроме того, Китай в принципе не заинтересован в жестких союзах и альянсах, поэтому называть Москву и Пекин союзниками некорректно. У них нет обязательств по взаимной обороне, нет единых координирующих органов. В этом смысле заявления российской стороны о «едином лагере, бросающем вызов Западу», верны лишь частично.

Существуют разногласия и в выборе средств – в частности, военных. Да и сам подход отличается: Москва хочет дружить против кого-то, тогда как Пекину достаточно просто поддерживать друг друга по ключевым вопросам.

Не стоит забывать и о прагматизме КНР. Китайские эксперты неоднократно подчеркивали: Пекин не может допустить «стратегического поражения» России, о котором так много говорят. Но исключительно потому, что Китаю не нужен огромный северный сосед, погруженный в хаос и внутренние проблемы, ведь это создаст прямые риски для стабильности и процветания самой КНР.

Вы упомянули личную близость Си Цзиньпина и Владимира Путина. Означает ли это, что Россия и Китай действительно стали стратегическими партнерами на всех уровнях, и этот союз – всерьез и надолго?

Тесные отношения лидеров не должны скрывать того факта, что Россия и Китай – это пирамиды, которые соприкасаются только верхушками. Да, между Си и Путиным есть личная химия и общее видение себя как «великих лидеров». Им даже помогает отсутствие единой идеологии: в отличие от эпохи Сталина и Мао, им не нужно воевать за идейное первенство. Но на уровне правительств, спецслужб и военных никакого глубокого доверия нет. В доктринах армий по-прежнему жива память о былых пограничных конфликтах, а у Москвы сейчас просто нет ресурсов, чтобы просчитывать риски шпионажа со стороны КНР.

Китай не может допустить поражения России исключительно потому, что ему не нужен огромный северный сосед, погруженный в хаос

В экономической сфере до 2022 года в России вообще не было консенсуса, какой уровень зависимости от Китая допустим. Сейчас Пекин помогает Москве продолжать ее курс, но геоэкономически РФ остается европейски ориентированной системой. Перестройка всей инфраструктуры на Восток – это задача на поколения, требующая гигантских инвестиций и спроса со стороны Китая, которых нет. К тому же на всем российском Дальнем Востоке живет меньше людей, чем в одном крупном китайском мегаполисе.

Наконец, общества двух стран до сих пор плохо знают друг друга. Несмотря на безвизовый режим и миллионные турпотоки, между гражданами сохраняется накопленная поколениями ксенофобия, основанная на стереотипах. Поэтому, как только лидеры биологически сменятся, эти отношения могут столкнуться с огромными рисками.

По этой ссылке интервью откроется без VPN

Алексей Юсупов
Берлин

Алексей Юсупов (Alexey Yusupov) – руководитель Российской программы Фонда им. Фридриха Эберта. Ранее он возглавлял Представительства Фонда в Мьянме, Афганистане и Казахстане. Он также работает политическим консультантом и модератором.